



Джон Мюллер

# Пережитки большой войны

библиотека  
журнала

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ АНТРОПОЛОГИЯ



неприкосновенный  
запас

Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»

Джон Мюллер

**Пережитки большой войны**

«НЛО»

2003

УДК 355.01  
ББК 66.4(0)

**Мюллер Д.**

Пережитки большой войны / Д. Мюллер — «НЛО»,  
2003 — (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-2322-6

Как опыт XX века изменил наше восприятие войны? Исчезнут ли со временем крупномасштабные вооруженные конфликты? Что представляют собой войны XXI века и существуют ли эффективные способы их предотвратить? Джон Мюллер в своей книге обращается к истории войны, чтобы обосновать на первый взгляд парадоксальный вывод: война как политический инструмент стремительно устаревает. Автор рассматривает Первую и Вторую мировые войны как переломные моменты истории, когда европейское сообщество пришло к осознанию, что война больше не является неизбежным и необходимым явлением социальной жизни. Это новое отношение к межгосударственным конфликтам — вместе с другими факторами, в том числе экономическими, — подтолкнуло развитые страны к тому, чтобы их избегать. По мнению Мюллера, полное исчезновение войны и переход ее в категорию отживших институтов (подобно дуэлям или рабству) вполне возможно, однако для этого необходимы серьезные международные усилия и компетентные правительства. Джон Мюллер — политолог, почетный профессор Университета Огайо.

УДК 355.01  
ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-4448-2322-6

© Мюллер Д., 2003

© НЛО, 2003

# Содержание

Благодарности	7
Предисловие к переизданию 2007 года	8
Введение. Угасание института войны, устойчивость войны как социальной практики	11
Предыстория и контрасты	14
Содержание книги	16
Глава 1. Криминальные и организованные военные действия	18
Почему люди воюют?	19
Становление армий: криминальное и организованное ведение войны	28
Криминальные и организованные войны, преступность, терроризм	32
Разновидности войн между организованными и криминальными вооруженными силами	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

# Джон Мюллер

## Пережитки большой войны

John Mueller  
The Remnants of War

Copyright 2004 by Cornell University; new preface © 2007 by Cornell University  
© Е. Захарова, перевод с английского, 2023  
© Н. Проценко, перевод предисловия с английского, 2023  
© И. Дик, дизайн обложки, 2023  
© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

\* \* \*

*Дж. А. М. и Э. С. М.,  
Карлу, Мишель, Карен, Эрику, Сьюзен и Крейгу,  
Тимоти, Сэмюэлю, Кларе, Каре, Малькольму и Аттикусу,  
памяти Кертиса Мэки,  
Джима Гувера,  
Карен и Джона Хардер*

## Благодарности

Основные тезисы этой книги в различных формах и версиях уже были представлены в рамках конференции «Закат большой войны», организованной Раймо Вяйриненом в Университете Нотр-Дам в 2001 году, а затем – на конференции «Переосмысление суверенитета» в Университете штата Огайо, на конференции «Экономика гражданской войны» в норвежском Осло, состоявшейся при финансовой поддержке Всемирного банка, на конференции «Идентификация войн» в Университете Упсалы в Швеции, а также на конференциях Ассоциации международных исследований и Американской ассоциации политической науки. Кроме того, я почерпнул много полезного для подготовки книги из общения со студентами и аспирантами на семинарах в Университете штата Огайо и Университете Рочестера, а также в ходе моей стажировки в качестве приглашенного исследователя в Норвежском Нобелевском институте в Осло в 2001 году.

Я получил немало ценных комментариев, предложений и критических замечаний, порой весьма настойчивых, от Питера Андреаса, Раймо Вяйринена, Роберта Арта, Статиса Каливаса, Жака Хайманса, Гейра Лундестада, Рассела Хардина, Майкла Деша, Якаюки Ниши, Карла Мюллера, Бенджамина Валентино, Стэнли Энгермана, Аманды Розен, Патриции Вейцман, Ричарда Розекранца, Этель Золинген, Джеффри Паркера и Олава Ньельстада. Отдельную благодарность за комментарии, советы, предложения и помощь со сбором данных я выражаю Нильсу Петтеру Гледичу и Кристиану Гледичу, а Тимоти Мюллеру-Хардеру я признателен за помощь в исследованиях.

Также я хотел бы поблагодарить за точно сформулированные вопросы участников семинаров и дискуссий в Чикагском университете, офисах RAND в Вашингтоне и Санта-Монике, Университете Солсбери, Университете Брауна, Калифорнийском университете в Сан-Диего, Университете штата Огайо, Ягеллонском университете в Кракове (Польша), Университете Огайо, Норвежском Нобелевском институте, Белградском университете, Университете Пенсильвании; Группе по изучению национальной безопасности (Вашингтон, округ Колумбия), Джорджтаунском университете; Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, Университете Цинциннати, Массачусетском технологическом институте, Колумбийском университете, Университете Альберты, Калифорнийском университете в Ирвине, Университете Робертс Уэслиан, Университете Рочестера и Стэнфордском университете. Кроме того, я благодарен сотрудникам издательства Корнельского университета Роджеру Хейдону, Карен Хва и Кэтрин Гол.

Некоторые идеи, представленные на страницах этой книги, вошли в статьи, опубликованные в научных изданиях *Journal of Peace Research* и *International Security*.

Дж. М.  
Колумбус, Огайо

## Предисловие к переизданию 2007 года

Через два года после первой публикации «Пережитков большой войны» основные тенденции, прослеженные в книге, оставались в силе.

Количество продолжающихся войн все так же находится на беспрецедентно низком уровне. Как следует из инфографики, приведенной на с. 87, в 2003 году велось лишь пять войн, в 2004 году в соответствии с теми же критериями их было семь, а в 2005 году снова шло пять войн<sup>1</sup>.

Используя определения, сформулированные в книге, единственной межгосударственной войной, которая произошла в XXI веке, было американо-британское вторжение в Ирак – хотя кое-кто, вероятно, назовет это предприятие скорее имперской, а не межгосударственной войной. Иракская война, как известно, продолжается, приобретая все более разрушительный характер по мере дальнейшего сопротивления повстанцев оккупационным силам и поставленному ими правительству. Еще одним ингредиентом в этой горючей смеси стало нарастающее и отчасти криминальное по своей природе насилие между разными группами самих иракцев, в особенности между суннитами и шиитами.

Результаты войны (или катастрофы) в Ираке еще предстоит увидеть, но этот опыт, скорее всего, еще больше отобьет у развитых стран охоту отправлять своих солдат в потенциально враждебные места – иными словами, охоту к тому, что в этой книге именуется военно-полицейскими интервенциями. Например, в Судане в середине 2000-х годов правящий режим задействовал группы криминальных мародеров для подавления сепаратистского движения в западной части страны – эти действия вполне предсказуемо обернулись преступным хищничеством, этническими чистками, насилием, появлением значительных потоков беженцев и массовыми страданиями. Однако мировое сообщество спустя десять лет после покаянного заламывания рук по поводу неспособности вмешаться в геноцид в Руанде все так же отреагировало на эту ситуацию преимущественно выражением возмущения, давлением на суданские власти и обустройством лагерей для беженцев, которые отличались сомнительным качеством и нехваткой финансирования<sup>2</sup>.

Фиаско на Ближнем Востоке, скорее всего, приведет к появлению в Соединенных Штатах чего-то наподобие «иракского синдрома». Его жертвами в американской политике могут стать такие идеи и феномены, как доктрина Буша, империя, унилатерализм, правого первого (на практике – превентивная война), последняя сверхдержава и нация, без которой невозможно обойтись. Эти некогда бывшие в моде, а порой и ведущие к самоослеплению концепции уже и правда выглядят весьма причудливо<sup>3</sup>.

В тени внимания, которое уделялось войне в Ираке, оставались по-прежнему незначительные масштабы гражданских войн. В 2005 году велось всего четыре такие войны, и все они едва ли соответствовали критерию, который используется для статистики войн в этой книге – более тысячи боевых потерь в ходе конфликта. Если повысить этот порог до 1500 погибших (что было бы вполне резонно), то окажется, что единственной во всем мире войной, которая шла в 2005 году, будет война в Ираке. Впрочем, следует подчеркнуть, что конфликтные ситуации, за которыми следуют незначительные потери на поле боя, по-прежнему могут оборачиваться гуманитарными катастрофами для мирных жителей из-за криминального хищничества,

---

<sup>1</sup> См. данные Uppsala Conflict Database по адресу: <http://www.pcr.uu.se/database/index.php>.

<sup>2</sup> Scott Straus, «Darfur and the Genocide Debate», *Foreign Affairs* 84 (1) January/February 2005: 123–146.

<sup>3</sup> См. также John Mueller, «The Iraq Syndrome», *Foreign Affairs* 84 (6) November/December 2005: 44–54; Mueller, «Force, Legitimacy, Success, and Iraq», *Review of International Studies* 31 (S1) December 2005: 109–125.

массовых убийств, этнических чисток и резких нарушений функционирования экономики и инфраструктуры.

Как отмечено в книге, многие гражданские войны тянулись годами, и тенденция к увеличению списка войн в начале 1990-х годов была преимущественно следствием кумулятивного процесса: в каждый отдельно взятый год начиналось больше войн, чем прекращалось. Однако в последние годы этот процесс, похоже, двинулся в обратную сторону. Многие гражданские войны (возможно, их следует называть конкурентными криминальными предприятиями) исчерпали себя, а на смену им не пришли новые аналогичные конфликты.

Некоторые наблюдатели утверждают, что миротворческие усилия международных организаций зачастую эффективно способствовали недопущению возобновления войн<sup>4</sup>. Международные структуры и консорциумы развитых стран, возможно, не в силах (а чаще не имеют желания) остановить войну, когда ее участники полны решимости сражаться дальше, однако порой они могут выгодно воспользоваться возможностями по стабилизации шаткого мира, когда воюющие стороны истощены. Однако, как утверждается в этой книге, есть вполне отчетливое ощущение, что эффективное долгосрочное решение проблем, связанных с гражданскими войнами, лежит в плоскости создания компетентных внутренних военных и полицейских сил.

Феномену явного угасания войн было посвящено, примечательно, немного высказываний или хотя бы просто внимания. В 2004 году ООН представила пресс-релиз «10 сюжетов, о которых в мире должны знать больше». В одном из них, озаглавленном «Парадокс миротворчества», отмечалось, что многие гражданские войны в последнее время завершились, и это дает немало обнадеживающих возможностей для международного миротворческого процесса<sup>5</sup>. Этот сюжет подхватили программа Lehrer NewsHour на канале PBS и журнал Business Week, но на этом, кажется, все и кончилось. Газетный колумнист Гвинн Дайер посвятил указанному процессу лишь несколько заметок, а Грегг Истербрук в 2005 году опубликовал передовицу под заголовком «Конец войны?» в издании New Republic, которая привлекла мало внимания в СМИ<sup>6</sup>. Что же касается сообщества политологов, то Роберт Джервис в своем обращении к Американской ассоциации политической науки в качестве ее президента в 2001 году обратил внимание на феномен (по меньшей мере потенциальный) угасания войн, Раймо Вяйрюнен выступил редактором ряда статей по этой теме, а Кристофер Феттвейс дал оценку потенциального воздействия угасания войн на теорию международных отношений<sup>7</sup>. Среди работ ведущих специалистов в области оценки войн и конфликтов и соответствующих количественных данных следует отметить исследования Монти Маршалла и Фреда Гурра, которые подробно рассмотрели угасание межгосударственных и гражданских войн, а также канадского политолога Эндрю Мэка, представившего на эту тему получивший хорошие отзывы доклад, в котором вынесены на широкое рассмотрение данные, собранные норвежскими и шведскими учеными<sup>8</sup>.

---

<sup>4</sup> Andrew Mack, *Human Security Report 2005* (New York: Oxford University Press, 2005). James D. Fearon and David D. Laitin, «Neotrusteeship and the Problem of Weak States», *International Security* 28 (4) Spring 2004: 5–43. Virginia Page Fortna, *Where Have All the Victories Gone? War Outcomes in Historical Perspective* (New York: Saltzman Institute for War and Peace Studies, Columbia University, 2005).

<sup>5</sup> См. [www.un.org/events/tenstories](http://www.un.org/events/tenstories).

<sup>6</sup> Gregg Easterbrook, «The End of War?», *New Republic*, May 30, 2005: 18–21. Как утверждал сам Истербрук, после выхода своей статьи он дал несколько интервью на радио – такой же была реакция на материал Джона Тирни «Дайте миру шанс», опубликованный в *New York Times* 28 мая 2005 года. Материалы Дайера см. по адресу: [gwynnedyer.com](http://gwynnedyer.com).

<sup>7</sup> Robert Jervis, «Theories of War in an Era of Leading-Power Peace», *American Political Science Review* 96 (1) March 2002: 1–14; см. также Robert Jervis, *American Foreign Policy in a New Era* (New York: Routledge, 2005). Raimo Väyryen (ed.), *The Waning of Major War: Theories and Debates* (New York: Routledge, 2006). Christopher J. Fettweis, «A Revolution in International Relations Theory», *International Studies Review* (8) 4 December 2006: 677–697.

<sup>8</sup> Monty G. Marshall and Ted Robert Gurr, *Peace and Conflict, 2005: A Global Survey of Armed Conflicts, Self-Determination Movements, and Democracy* (College Park, Md.: Center for International Development and Conflict Management, University of Maryland, 2005). Mack, *Human Security Report*. См. также John Mueller, «Ideas, Thugs, and the Decline of War», in Manus

Очевидно, что пока еще слишком рано с определенностью утверждать об устойчивости тенденции к уходу войн в прошлое – да и мало кто ее заметит, пока продолжается война в Ираке. Кроме того, некоторые периодически прорывающиеся наружу вооруженные гражданские конфликты способны вновь превысить отмеченное выше пороговое значение насилия, хотя в настоящий момент большинство из них, похоже, идут на спад – в частности, в 2006 году удалось прекратить гражданскую войну в Непале. Но Эфиопия и Эритрея по-прежнему проявляют открытую враждебность друг к другу, множество проблем остается и на Среднем Востоке, где в 2006 году Израиль решил разделаться с группировкой «Хезболла», базирующейся на территории Ливана, а бедствия в Ираке могут привести к побочным эффектам. Новые войны могут, конечно же, начаться и в других местах: например, совершенно оправданно беспокойство по поводу китайско-тайваньского вопроса. Также можно упомянуть случаи насилия между разными группами в таких странах, как Нигерия и Ирак, которые зачастую напоминают войны, но не рассматриваются в этом качестве, поскольку в расхожем представлении, для того чтобы конфликт заслужил наименование «война», в нем по меньшей мере на одной из сторон должна участвовать государственная власть. Наконец, никуда не денутся криминальное хищничество и терроризм, субъектами которого, как и в случае с преступностью, могут выступать отдельные лица или очень маленькие группы<sup>9</sup>.

И все же война стала примечательно редким явлением – пусть даже на какое-то время. Дальнейшее угасание этого древнего и «почтенного» института станет одним из самых монументальных событий в истории рода человеческого.

*Джон Мюллер,  
26 февраля 2007 года*

---

I. Midlarsky (ed.), *Handbook of War Studies III* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 2009).

<sup>9</sup> Тем не менее, как отмечается в этой книге, от рук террористов (по меньшей мере международных) во всем мире редко погибает более нескольких сотен человек за отдельно взятый год. Более масштабное рассмотрение этого вопроса см. в: John Mueller, *Overblown* (New York: Free Press, 2006).

## **Введение. Угасание института войны, устойчивость войны как социальной практики**

В ряде очень важных аспектов институт войны определенно угасает. В наши дни стандартные – по сути дела классические – разновидности войны, в особенности крупномасштабные войны или войны между развитыми странами, стали столь редкими и маловероятными, что это дает уверенное основание считать их если не полностью ушедшим в прошлое, то отмирающим явлением. Межгосударственные войны в целом, конвенциональные<sup>10</sup> гражданские войны, колониальные войны и идеологические гражданские войны также очевидным образом идут на спад. В этой книге я рассмотрю, насколько велика вероятность того, что война вообще сходит на нет.

За несколькими редкими исключениями сегодня сохраняются две разновидности войн. Несомненно, более распространены неконвенциональные гражданские войны, которые в большинстве случаев разворачиваются в беднейших странах мира. Многие из этих войн получили такие наименования, как «новая война», «этнический конфликт» или, совсем уж величественно, «столкновение цивилизаций». Но в действительности большинство этих войн (хотя и не все) скорее представляют собой беспринципное хищничество, которым занимаются шайки преступников, бандитов и головорезов, иногда примечательным образом малочисленные. Эти лица участвуют в вооруженных конфликтах в качестве либо наемников на службе у оказавшихся в безвыходном положении режимов, либо самостоятельных или полунезависимых полевых командиров или разбойничьих шаек. Эти «силовые предприниматели», обычно пускающие в ход этнические, националистические, цивилизационные или религиозные разглагольствования, могут причинять немалый ущерб, особенно гражданским лицам, которые являются их главной добычей, а действия этих хищников зачастую трудно отличить от обычных преступлений.

Другая сохраняющаяся разновидность войн встречается намного реже: к ней можно отнести так называемые военно-полицейские интервенции (*policing wars*). Речь идет о военизированных операциях, в ходе которых развитые государства преимущественно успешно задействуют свои вооруженные силы с целью урегулирования гражданских конфликтов или свержения мафиозных режимов, существование которых на фоне явного прекращения крупных международных войн остается основной причиной насильственных смертей среди мирного населения планеты.

Эта книга посвящена исследованию перечисленных тенденций в ведении военных действий. Предмет книги и подход к его изучению можно кратко представить в виде четырех взаимосвязанных и более или менее взаимодополняющих тезисов.

Во-первых, необходимо объяснить такое очень примечательное явление, как угасание войн между развитыми странами. Для начала я продемонстрирую различие между организованными и криминальными участниками боевых действий, что позволит сформулировать следующее предположение: в середине прошлого тысячелетия в Европе организованные военные и полицейские силы стали одерживать безоговорочную победу над, по сути, криминальными силами, и этот процесс постепенно привел к установлению на европейском континенте гражданского порядка и государственной системы. В результате война, прежде представлявшая собой почти перманентное явление, перешла под более целостный политический контроль. Затем, когда граждане и политики развитого мира разочаровались в войне (это произошло

---

<sup>10</sup> Под конвенциональными войнами понимаются боевые действия без применения оружия массового поражения. В книге Мюллера этим термином обозначаются преимущественно войны с участием организованных вооруженных сил. – *Прим. ред.*

во время Первой мировой), они все более последовательно использовали имевшиеся у них механизмы контроля над войной, чтобы исключить возможность войны в принципе, по меньшей мере в рамках взаимоотношений между развитыми странами. С этой точки зрения Вторая мировая война в Европе оказывается вопиющим анахронизмом, устроенным почти единолично таким величайшим атавизмом истории, как Адольф Гитлер. В дальнейшем, на протяжении последнего полувека, неприятие войны развитым миром все больше признавалось и в других местах, в результате чего некоторые другие разновидности вооруженных конфликтов происходят все реже и реже.

Похоже, что это угасание войн преимущественно обусловлено теми изменениями, которые произошли в отношении к ценности и эффективности войны, в особенности за последнее столетие. Ключевым моментом здесь выступают ухищрения дельцов от идеологии, а не разнонаправленные социальные, экономические или технологические тенденции либо формирование институтов, торговля или модели взаимозависимости, которые зачастую выглядят в большей степени следствием мира и нарастающего неприятия войны, нежели их причиной. С этой точки зрения война – это не более чем идея, некий институт, который, подобно дуэлям или рабству, прижился на теле человеческого бытия. Война – не каверза судьбы, не послание из ада, не стихийное бедствие и не отчаянный изобретательный заговор, измышленный каким-то кукловодом-садистом где-то наверху. Поэтому мне представляется, что институт войны пребывает в явном упадке и невостребованности в силу изменения отношения к нему. Примерно по такой же модели сложилась участь рабства – древнего и мощного института, со временем проявившего свою несостоятельность и затем преимущественно вышедшего из употребления.

Второй из ключевых тезисов предполагает оценку гражданских войн в период после холодной войны. За редкими исключениями гражданские войны представляют собой прежде всего акты хищничества, которые совершают преступники или военные бароны, а не столкновения между этническими группами или цивилизациями, причем зачастую такие действия осуществляются небольшими отрядами. Таким образом, в значительной и все большей степени война превратилась в собственные пережитки (remnants) – или отбросы, – а участвуют в этих остаточных военных действиях головорезы.

Третий тезис обращен к возможностям международного сообщества, в особенности развитых стран, пресекать криминальные войны и свергать мафиозные режимы при помощи военно-полицейских интервенций. Опыт периода после холодной войны подсказывает, что это не самая многотрудная задача: головорезы, как правило, трусливы и действуют по обстоятельствам, поэтому организованная и дисциплинированная крупная армия в принципе одержит над ними верх. Однако, несмотря на общее представление о том, каким должен быть мировой порядок после холодной войны, развитые страны по ряду причин едва ли осуществляют подобные действия систематически. В числе этих причин – резкое неприятие боевых потерь, принципиальное отсутствие интереса к таким действиям, нежелание ввязываться в них надолго, невозможность конвертировать успех интервенций в политические очки, глубоко укоренившиеся предубеждения против войны и агрессии и неверное, но удобное предположение, что гражданские конфликты вызваны неизбежной и не поддающейся рациональному объяснению межэтнической рознью, которую не смогут утихомирить благонамеренные чужеземцы.

Наконец, четвертый тезис подразумевает, что ключевым для значительной части сегодняшних гражданских войн моментом является отсутствие эффективного государственного управления, а не этнические трения или другие, еще более заоблачные материи. Исторический пример Европы показывает, что создание дееспособного государства в конечном итоге оказывается наиболее надежным способом долгосрочного контроля над большинством пережитков войны, а в перспективе и их искоренения. Существует ряд примечательных, хотя и не решающих свидетельств того, что даже в беднейших регионах мира правительства в целом становятся более эффективными, в результате чего криминальные войны (и криминальные

режимы), подобно организованным войнам, возможно, войдут в стадию окончательного угасания.

## Предыстория и контрасты

В этой книге я развиваю, перерабатываю и очень существенно расширяю аргументацию, представленную в опубликованной в начале 1989 года книге «Прочь от Судного дня», в которой рассматривались войны между развитыми странами. В то время военный и дипломатический историк Майкл Ховард в рецензии на мою книгу отнесся к ее основному тезису скептически, вежливо предположив, что «благоразумный читатель все же проверит, исправно ли ближайшее бомбоубежище». Однако уже к 1991 году Ховард размышлял о появлении «довольно приличной вероятности того, что война в смысле масштабного организованного вооруженного конфликта между высокоразвитыми обществами может не повториться вновь, а стабильный каркас международного порядка будет прочно утверджен». Два года спустя военный историк и аналитик Джон Киган в работе «История войны» констатировал, что та разновидность войн, которая была предметом его исследований, вероятно, сходит на нет: «Проведя всю сознательную жизнь за чтением книг о войне, вращаясь в военных кругах, бывая на боевых позициях и наблюдая последствия войны, я бы предположил, что война, вероятно, больше не привлекает людей как желанное или эффективное средство устранения разногласий между ними, не говоря уже о том, что она не воспринимается как некое рациональное решение». Мэри Калдор в конце прошлого столетия допускала, что «варварство межгосударственных войн, возможно, уже отошло в прошлое», а в начале нынешнего столетия Роберт Джервис пришел к заключению, что войны между ведущими державами «в будущем не предвидятся», или, как сформулировал эту мысль Джеффри Рекорд, война может «полностью исчезнуть»<sup>11</sup>. В дальнейшем наша планета, похоже, продолжила и даже ускорила движение прочь от Судного дня – после 1989 года это понятие фактически приобрело легкую ауру причудливости. И многие бомбоубежища, вопреки благоразумию, кажется, забросили.

Книга «Прочь от Судного дня» вышла как раз накануне окончания холодной войны и почти полностью была посвящена исследованию крупномасштабных войн, в то время как эта книга охватывает все разновидности войн, не только те, которые ведутся между развитыми странами. Эта книга включает и усиливает сделанный в предшествующей работе акцент на имеющей серьезные последствия значимости изменения отношения к войне. Кроме того, в этой книге представлен и разработан своего рода восходящий метод исследования войны, сфокусированный на способах набора, удержания в строю и мотивирования участников боевых действий. Я хотел бы подчеркнуть, что военное насилие в основе своей совершается не крупными и, по сути, воображаемыми сообществами, такими как культуры, цивилизации или народы, а группами вооруженных людей, которые мобилизованы специально ради участия в войне. За исключением самых примитивных войн, в число участников боевых действий входит лишь малая доля членов того сообщества или группы, которые они призваны представлять, и в огромном количестве случаев численность этих людей по любым меркам чрезвычайно невелика – десятки, сотни или несколько тысяч.

Таким образом, мой подход разительно отличается как от подхода, сторонники которого утверждают, что большинство нынешних (и будущих) войн является воплощением столкновения цивилизаций космического масштаба, так и от подхода, в рамках которого гражданские конфликты рассматриваются как проявление ненависти – глубинной, неизбывной и древней, пусть и вырвавшейся наружу лишь сейчас. Мой подход также принципиально противоречит идущему от Гоббса образу гражданской войны как отчаянного конфликта всех против всех, когда брат идет на брата. Я же вижу в подобных конфликтах социальную катастрофу, творимую

---

<sup>11</sup> Howard 1989; 1991, 176; Keegan 1993, 59; Kaldor 1999, 5/Калдор 2015, 38; Jervis 2002, 1; Record 2002, 6. См. также Mandelbaum 1998–1999, 20–38; 2002; Johnson 1995; Mack 2002, 523.

преимущественно небольшими бандами головорезов, промышленяющих хищничеством. Кроме того, мой подход подразумевает критическое несогласие с позицией военного историка Мартина ван Кревельда, который справедливо, по моему мнению, утверждает, что «армии будут заменены специальными силами безопасности полицейского типа, с одной стороны, и бандами головорезов – с другой», но при этом все же настаивает, что война является «крайне привлекательной деятельностью, которой невозможно найти достойную замену»<sup>12</sup>. Основная мысль моей книги такова: война – это не более чем идея. Война, в отличие от потребности в кислороде, пище или сексе, не является вещью, которую каким-то образом требует человеческая природа или силы истории. Следовательно, она может стать бесполезной и исчезнуть, что, похоже, и происходит.

Эта книга посвящена главным образом войне, а не терроризму. В списке определений, которые приводятся в главе 1, под терроризмом понимается периодическое насилие, совершаемое в специальных целях отдельными лицами или малыми группами. По сути, терроризм по своему принципиальному механизму (хотя и не по своим целям) больше похож на преступление, чем на войну. Некоторые предположения о сущности пережитков войны, изложенные на страницах этой книги, также способны помочь снизить распространенность терроризма. Но если мы можем представить себе мир, где война полностью ликвидирована силами правопорядка, то терроризм, как и преступность, существовал и, скорее всего, будет существовать всегда.

Я полагаю, что еще сохраняющиеся военные действия в принципе не представляют собой ничего значительного: их ведут небольшие банды хищных отщепенцев и преступников, зачастую действующих в наркотическом или пьяном угаре, которые, как и обычные преступники, руководствуются главным образом тягой к развлечениям и наживе, а не масштабными идеологическими, культурными, этническими или цивилизационными представлениями. Однако я никоим образом не имею в виду, что *последствия* мародерства этих силовых предпринимателей являются чем-то тривиальным, в особенности если представить совокупность этих последствий. Такие хищники способны приносить гибель целым обществам, поскольку их действия приносят им настолько отменную выгоду, что у них сохраняются все стимулы заниматься этим годами, а зачастую и десятилетиями. Из-за неприкрытого хищничества, из-за несущих голод и эпидемии разрухи и вынужденной миграции (или «этнических чисток») их действия способны привести к огромному количеству смертей – гораздо большему, чем в ходе многих конвенциональных войн с участием регулярных армий. Волею судьбы у боснийцев по этому поводу есть подходящая, хотя и сдержанная печальная поговорка: «*Teško narodu kad pametni učute, budale progovore, a fukare se obogate*» – «Тяжко народу, когда умные молчат, дураки разглагольствуют, а отребье богатеет»<sup>13</sup>.

---

<sup>12</sup> Van Creveld 1991, 225, 218/Ван Кревельд 2005, 334, 325.

<sup>13</sup> Cohen 1998, 297.

## Содержание книги

Для начала я рассмотрю, чем привлекают людей войны и сражения, а также те процессы, посредством которых люди способны становиться достаточно организованными для того, чтобы участвовать в подобных убийственных и разрушительных занятиях. В главе 1 я приведу различие между криминальными и организованными военными действиями и рассмотрю, что происходит в войнах, в которых либо противостоят вооруженные силы одного из этих двух типов, либо криминальные и организованные воинства сталкиваются друг с другом.

В главе 2 речь отдельно пойдет о развитии событий в Европе до 1914 года. Мы проследим становление организованных армий и сил правопорядка, которые одержали верх над криминальными силами, что и привело к консолидации государственной системы и, что немаловажно, к появлению контроля над состояниями войны (и мира). Также я обращусь к примечательному подъему первого в истории антивоенного движения, состоявшемуся накануне Первой мировой войны, а в завершение представлю то благосклонное отношение, которое война в этот же период продолжала пробуждать к себе в Европе.

В годы Первой мировой в Европе нарастало глубокое разочарование войной. В главе 3 утверждается, что причиной этого были не впечатляющие разрушения и издержки войны, а успех предшествовавшего ей антивоенного движения, которое выдвинуло новый на тот момент довод о необходимости запрета войн (под которыми участники этого движения в первую очередь подразумевали войны между развитыми государствами).

В главе 4 я рассматриваю решительное стремление к миру в Европе после Первой мировой войны. По моему мнению, у Второй мировой войны был чуть ли не единственный архитектор – Адольф Гитлер. Не было таких исторических обстоятельств, которые сколько-нибудь значимым образом требовали бы новой континентальной войны в Европе, а ведущие страны не стремились к конфронтации. Иными словами, не будь Гитлера, величайшей войны в истории человечества, скорее всего, не случилось бы. Также в главе 4 будет представлена оценка последствий этого вывода.

В главе 5 рассматривается конфликт, разворачивавшийся в ходе холодной войны. Я уверен, что основной причиной холодной войны стала приверженность коммунистов идеологии насильственной революции и международной классовой борьбы, которая демократическому капиталистическому Западу казалась угрожающе расширяющейся. Когда произошел решительный отказ от этой идеологии, холодная война и идеологическая гражданская война (которую некогда яро поддерживали коммунисты) сошли на нет. Впрочем, несмотря на острые идеологические разногласия между коммунистическим и некоммунистическим лагерями, они никогда не рассматривали большую войну как реалистичный сценарий. Кроме того, в главе 5 мы рассмотрим происходившее в этот же период сокращение межгосударственных войн и организованных боевых действий (как в развитом мире, так и за его пределами), а также впечатляющий распад колониализма, следствием которого стало прекращение колониальных войн.

В главе 6 речь пойдет о гражданских войнах после холодной войны. На примере конфликтов на территории бывшей Югославии я показываю, что основное насилие во многих так называемых этнических войнах, далеко не являясь проявлением глубокой и застарелой вражды между соседями или цивилизациями, в основном осуществляется руками отщепенцев и преступников, которые, по сути, действуют в качестве наемников под руководством, порой смутным, слабых или оказавшихся в безвыходном положении режимов. Многие другие гражданские войны, в частности в Африке, по сути, представляются жестокой и хищнической разновидностью бизнеса, который ведут полевые командиры и шайки бандитов. Также в главе 6 я поясню, почему подобные конфликты зачастую лучше относить к преступности с высокой интенсивностью или к криминальному бизнесу, а не к войнам низкой интенсивности. При

таким подходе представлению Гоббса о гражданской войне как непрерывной и беспощадной схватке всех против всех противостоит реальность гражданских войн наших дней, в которых немногочисленные хищные боевики способны разрушать общества и делать несчастной жизнь беспомощных и запуганных граждан.

После окончания холодной войны в кругу развитых стран существует примечательный консенсус по поводу войны. В главе 7 будут рассмотрены наиболее успешные попытки регулирования – или упорядочивания – нового мироустройства при помощи военно-полицейских интервенций.

В главе 8 приводится оценка перспектив использования международных сил правопорядка для устранения гражданских войн и мафиозных политических режимов. Полагаю, что в большинстве случаев эта задача не будет невообразимо сложной или затратной для любой довольно крупной и хорошо вооруженной организованной армии. Однако есть множество причин, по которым развитые страны едва ли будут систематически формировать силы такого рода и оказывать им принципиальную поддержку.

В главе 9 я даю более общее сравнение тенденций в ведении войн и моделей отношения к убийствам, которые становятся достоянием общественности. Кроме того, я рассматриваю иные объяснения угасания войн. Мы обратимся к популярному представлению о том, что длительный мир, которым наслаждаются развитые страны, был результатом появления ядерного оружия – и это представление нам предстоит отвергнуть. Далее мы рассмотрим доводы, придающие значение распространению демократии, международной торговли и международных организаций. Здесь я прихожу к выводу, что все это скорее следствие изменения отношения к войне и угасания войн или удачное совпадение с этими тенденциями, но не их причина.

В конце главы 9 и всей книги я выдвигаю тезис, что наилучшую надежду на поддержание нового мирового порядка дает формирование эффективных правительств в странах, где сегодня власть находится в руках некомпетентных или порочных режимов. Во многих важных аспектах основной причиной многих гражданских войн в действительности являются не этнические, экономические, социальные, национальные или цивилизационные претензии, а продажные или некомпетентные власти, которые зачастую разжигают вооруженные конфликты и провоцируют организованную преступность, иногда с выгодой для себя участвуют в них и всегда им способствуют. Налицо признаки того, что все большее число некогда раздираемых конфликтами и дурно управляемых государств начинают осознавать этот факт. Следовательно, криминальные военные действия – главный пережиток войны – возможно, сходит на нет так же, как и другие ее разновидности.

## Глава 1. Криминальные и организованные военные действия

В октябре 1990 года, за три месяца до отправки полумиллиона солдат на состоявшуюся в следующем году Войну в заливе, генерал армии США Норман Шварцкопф говорил: «Война – дело нехитрое. Если называть вещи своими именами, то у вас есть две противостоящие стороны, которые пытаются уладить свои разногласия, убив как можно больше людей на стороне противника». Действительно, сутью войны является насилие, а в особенности убийство, о чем столь откровенно и поведал генерал. Эту же мысль лаконично сформулировал Джеффри Паркер: «На войне армии заняты тем, что убивают и крушат». Для сражающихся же война – это еще и лишения и скука. Здесь уместно вспомнить слова Наполеона: «Главное качество хорошего солдата – стойкость перед лицом усталости и лишений»<sup>14</sup>.

Поэтому боевой опыт уже давно метко характеризуется как складывающийся из долгих периодов утомительной скуки, которые перемежаются отдельными эпизодами кромешного ужаса. Как следствие, ведение войны требует ставить под ружье, удерживать в строю и мотивировать людей, способных вынести и то и другое. Они должны уметь жить посреди неослабевающего насилия и самостоятельно его совершать, а помимо этого, на протяжении долгих промежутков времени – по меньшей мере это месяцы, а зачастую годы – терпеть разнообразные лишения. Вот какие проблемы их поджидают: вши, личинки, кровососущие паразиты и прочая дрянь; изнурительные и зачастую завершающиеся летальным исходом сражения с дизентерией и другими болезнями; отсутствие женщин; ужасная, а то и вовсе несъедобная пища; вода, в которой кишит зараза; лежалые сигареты; смертельная усталость; больные сифилисом проститутки; разбавленная водой выпивка или вообще какая-нибудь отравка; нехватка сна; разлука с семьей и тоска по дому; отсутствие личного пространства; постоянные, зачастую жестокие и бессмысленные, издевательства или физическое насилие со стороны старших по званию и бестолковой системы; крайне тяжелые погодные условия; сексуальные фантазии, которые все меньше возбуждают, и, наконец, скука, способная стать всеохватной, непреодолимой и отупляющей. Именно это эмоциональное состояние, о котором, правда, упоминается лишь изредка, гораздо более привычно на войне, нежели ощущение стремительного порыва, наступающее вместе с битвой.

В этой главе будет рассмотрена проблема формирования и сохранения вооруженных сил в перечисленных условиях. При этом будет введено разграничение между криминальным и организованным ведением боевых действий – дальнейшее изложение материала книги во многом будет выстроено вокруг последствий этого противопоставления и связанных с ним затруднений.

---

<sup>14</sup> Высказывание Шварцкопфа цит. по: Woodward 1991, 313; Parker 1994, 44. Высказывание Наполеона цит. по: Chandler 1987, 74.

## Почему люди воюют?

Представляется, что люди относятся к насилию по-разному. Некоторые получают от него удовольствие и стремятся к нему, чтобы пощекотать себе нервы и ради материальных выгод, которые насилие способно приносить. Другие (вероятно, значительное большинство людей) могут творить насилие при должных организационных условиях. Иными словами, они способны на насильственные действия, в том числе совершенно чудовищные, при определенном стечении обстоятельств, даже если эти действия не приносят им явного удовольствия, не доставляют им какой-либо материальной выгоды, а некоторым людям, особенно на первых порах, они могут даже причинять серьезные душевные терзания.

### Насилие ради развлечения и выгоды

Для начала, вероятно, стоит разобраться с самыми базовыми мотивациями. Некоторые, практикуя насилие, получают настоящее удовольствие: для них это своего рода кайф. Другие прибегают к насилию машинально, как, скажем, серийные убийцы или отдельные садисты, которые продолжают творить насилие, даже несмотря на понимание, что с каждым новым подобным действием повышается вероятность быть пойманным. Существуют и такие люди, которые имеют или приобретают зависимость от насилия – без соответствующего опыта они будут ощущать тревогу. Они приходят в восторг, получая от насилия острые ощущения, и проводят много времени в ожидании следующего акта насилия и поиска жертвы. Многие преступники, совершая криминальное деяние, испытывают эмоциональный «приход»; кроме того, склонность и даже вождление к острым ощущениям, возбуждению и эйфории насилия явно имеется у многих футбольных хулиганов<sup>15</sup>.

Помимо этих лиц, существует ряд людей, у которых нет активной потребности или стремления в совершении насилия, однако они обнаруживают – зачастую к собственному удивлению, – что совершают его с удовольствием, если к тому располагают обстоятельства. Например, в ходе исследования, проведенного в Стэнфордском университете, выяснилось, что по меньшей мере несколько человек из группы, казалось бы, среднестатистических студентов, демонстрировали существенные склонности к жестокому и садистскому поведению, когда в рамках эксперимента им случайно досталась роль тюремных надзирателей<sup>16</sup>.

---

<sup>15</sup> Исследования боевых действий показывают, что около 2 % участвующих в них солдат испытывают удовольствие от убийства, то есть являются «агрессивными психопатами» или, выражаясь чуть мягче, «будут убивать без сожалений и жалости при наличии легитимного основания» (Grossman 1995, 180; см. также Baumeister and Campbell 1999; Valentino 2004). О преступниках см. Katz 1988, особенно chap. 2. О футбольных фанатах см. Buford 1991.

<sup>16</sup> Haneу, Banks, and Zimbardo 1973; Zimbardo et al. 1973. Ситуативно обусловленное насилие (opportunistic violence) может иметь место, а фактически может стать или выглядеть рационально обоснованным при наличии двух преобладающих условий: во-первых, когда насилие оказывается неизбежным, а во-вторых, когда акт насилия не повлечет негативных последствий для того, кто его совершает. Представим, например, здание, предназначенное к сносу. Ответственные за это подрядчики решили, что большую стеклянную витрину на первом этаже необходимо разбить до того, как начнется снос, и для того, чтобы бросить в нее кирпич, им нужно кого-то нанять. И хотя в мире существует бесчисленное множество витрин и еще больше кирпичей, людей лишь изредка (что, как может показаться, довольно удивительно) вдохновляет возможность собраться вместе, чтобы бросать кирпичами в окна. Однако многие, если не большинство – возможно, даже и вы, любезный читатель, – сочтут для себя возможным согласиться, а то и ухватиться за особую возможность совершить непривычный акт насилия и разрушения. Перенесем эти рассуждения на менее приятную ситуацию, когда в ходе массовых беспорядков полиция отступила и дебоширы грабят магазин с алкоголем. У кого-то в ситуации, когда можно пожить парочкой бутылок виски, сработают определенные моральные ограничения, однако пострадавшему владельцу магазина едва ли станет от этого легче, потому что непременно найдутся другие желающие растащить его товар. Или представим, что в ходе беспорядков какие-то молодчики поджигают дом. Если дом уже не спасти, то почему бы не подлить масла в огонь? – в конце концов, человеку не часто выпадает возможность устроить пожар. В итоге поджигатели получают удовольствие, наблюдая, как пожар уничтожает жилье, а другие люди по привычке толпой стекаются посмотреть на работу пожарных, а заодно и на результаты трудов поджигателей, тем самым

Ситуативное наслаждение насилием зачастую обнаруживается на поле боя. Пацифист Уильям Джеймс в свое время с горечью заметил, что война может быть «в высшей степени захватывающим занятием» и «сценой величайших человеческих усилий». Для некоторых солдат (хотя, вероятно, таких совсем немного) сражение превращается в удовольствие. Как отмечал молодой Уинстон Черчилль, «ничто так не будоражит, как промазавшие мимо вас пули». Гленн Грэй, американский солдат, участвовавший во Второй мировой войне, говорил о «стойкой притягательности сражения», подчеркивая его «экстатический характер в исконном смысле этого слова, в смысле состояния, когда ты выходишь за пределы самого себя». По воспоминаниям солдат – участников Гражданской войны в США, в бою «все ваши мысли ускорились до предела», оказываясь «в состоянии, почти идеально близком к мечте», и это «возбуждение невозможно выразить ни словами, ни пером». К таким же выводам пришел ветеран Вьетнамской войны Уильям Бройлз. Он предостерегает, что «война уродлива, отвратительна и порочна, и у людей есть все причины ее ненавидеть», однако в дальнейшем утверждает, что «большинству из тех, кто был на войне, если они не лукавят, придется признать, что где-то в глубине себя они все же любили ее, любили так сильно, как ничто случившееся с ними до или после войны». Война – это «опыт огромной интенсивности», она «заменяет тяжелые серые дни повседневной жизни жуткой и безмятежной ясностью»; «если вы вернулись с войны целым и невредимым [важное уточнение], вы осознаете, что война открыла в вашей душе такие дальние уголки, которые для большинства всегда будут оставаться неизвестными». Война, предполагает Бройлз, «это, возможно, единственный способ для большинства людей прикоснуться к мифической области нашей души... Короче, война – это кайф»<sup>17</sup>.

Многие, а возможно и большинство, из тех, кто получает удовольствие от насилия в определенных обстоятельствах, не испытывают сколько-нибудь существенную потребность в нем и не впадают от него в зависимость. Когда обстоятельства меняются, они зачастую могут вернуться к тому, что мы предпочитаем считать нормальной жизнью, где в дальнейшем им необязательно будет возвращаться к насильственным действиям. Тот же Бройлз, впоследствии ставший известным писателем, несмотря на все восторги, которые он ощущал в бою, констатировал: «Я больше никогда не захочу воевать» и «Я бы сделал все, что в моих силах, чтобы моему сыну не пришлось воевать». А Гленн Грей, ставший профессором философии в Колорадо-колледже, в конце своей книги рассуждает о том, что следует предпринять для искоренения войн<sup>18</sup>.

Кроме того, война была или казалась экономически выгодным предприятием для ее участников. Некоторые военачальники были в состоянии сполна расплатиться по долгам – деньгами либо зачастую алкоголем и наркотиками. В других случаях основной формой вознаграждения зачастую выступала возможность мародерствовать, захватывать землю и трофеи.

---

в определенной степени приобщаясь к их опыту. Представим еще одну ситуацию: кого-то запугивают и унижают таким образом, что это кажется забавным. Какова вероятность того, что вы захотите к этому присоединиться? Предположим, что кто-то собирается убить другого человека или изнасиловать женщину, и эти действия уже не остановить. Надеюсь, что в какой-то момент происходящего у большинства людей сработает моральное чувство и они с возмущением откажутся в этом участвовать, даже если единственным негативным последствием для насильника будут угрызения совести и даже если акт насилия неизбежно произойдет. Однако приведенные примеры свидетельствуют о том, что зачастую люди могут решиться на насилие и хищническое поведение именно потому, что обстоятельства складываются в пользу такого выбора либо сам акт насилия оказывается чудовищно привлекательным. См. также Valentino 2004, chap. 2; Tilly 2003, chap. 6.

<sup>17</sup> James 1911, 282, 288. Фраза Черчилля цит. по: Manchester 1988, 28. См. также Gray 1959, chap. 2; Джесси Грей также делает акцент на «радости разрушения» или на «удовольствии, которое испытывают люди, охваченные жаждой к разрушению и убийству себе подобных»; на эту тему см. также работу Bourke 1999, chap. 1. О Гражданской войне в США см. McPherson 1997, 39–42 и Broyles 1984.

<sup>18</sup> Broyles 1984, 57; Gray 1959, 226. См. также Bourke 1999, chap. 11; Hedges 2002, chap. 1. Дейв Гроссман отмечает, что даже большинство из тех, кого он называет агрессивными психопатами, после завершения войны, похоже, полностью способны вернуться к нормальной жизни, не испытывая потребности в новых убийствах (Grossman 1995, 181).

Солдаты обогащались и за счет получения выкупа за пленных или продажи их в рабство. Как правило, безработных было гораздо проще завербовать в солдаты, чем имеющих занятие.

## Наркоз

Алкоголь – «жидкую храбрость» – и другие наркотики обычно, причем нередко без ограничений, употребляли накануне, во время и после сражений<sup>19</sup>. Эти средства притупляют сознание и порой способны помочь людям преодолеть любые барьеры, которые в ином случае будут их сдерживать, – в качестве примера можно привести бессмысленную жестокость, зачастую вырывающуюся на поверхность в неуставных отношениях. Но в связи с тем, что для ведения военных действий требуется определенная степень контроля, этот проверенный временем способ взбодриться имеет существенные недостатки.

## Принуждение

Человека можно принудить к совершению насилия. Исторически людей отправляли на военную службу помимо их воли, а затем условия ведения боевых действий складывались так, что если вы рассчитываете выжить, то вам нужно сражаться. Одним из обычных приемов удержания участников сражений от побега является создание специальных тыловых подразделений, единственное предназначение которых – без особых рассуждений убивать всех, кто дезертирует или не идет в атаку: иногда такие части называются «заградительными отрядами». Например, Джон Киган указывает, что во время Первой мировой войны «выходы из траншей в ходе сражений патрулировали специально выделенные силы военной полиции, и при получении приказа наступать никакой реальной альтернативы его выполнению не было». Как утверждал один британский генерал времен Первой мировой, «не отлынивал никто: все как один вступали под шквал заградительного огня и шли навстречу косившим людей пулеметам и винтовкам... Прежде мне не доводилось видеть столь блистательные отвагу, дисциплину и решимость – более того, я и представить себе такого не мог». А вот как описывал подобную ситуацию один британский сержант: «Мы оказались в безвыходном положении: идешь в атаку – тебя, скорее всего, убьют, побежишь – отдадут под трибунал и расстреляют... Что вам остается делать?» Именно эту процедуру довел до совершенства еще Чингисхан<sup>20</sup>.

Как только вы оказываетесь на поле боя, убийство может, по сути, превратиться в самооборону: не убьешь сам – будешь убит. Кроме того, если сдача в плен означает смерть, то солдаты пойдут в бой просто потому, что у них есть единственная альтернатива: рассчитывать на какую-то вероятность выжить. Именно это было особенно характерно для сражений между немецкими и советскими солдатами во время Второй мировой войны<sup>21</sup>.

Хотя полностью полагаться на принуждение при формировании ведущих боевых действия сил неразумно<sup>22</sup>, соблазн дезертировать при первой же возможности, конечно, столь же велик, как и уклонение от участия в бою всякий раз, когда это может сойти с рук.

---

<sup>19</sup> Keegan 1987, 196–197; Boardman 1998, 110–111, 158; Fussell 1989, 96–105; Lieven 1998, chap. 1; McPherson 1997, 52; Ellis 1999, 120–122.

<sup>20</sup> О «замыкающих подразделениях» см. Keeley 1996, 46; McPherson 1997, 48–51; Keegan 1987, 196. Приведенные высказывания генерала и сержанта цит. по: Valentino 2004, 59.

<sup>21</sup> McPherson 1997, 73; Shils and Janowitz 1948, 300–301, 309–310. Во многих примитивных войнах было принято не брать пленных, см. Keeley 1996, 83–86.

<sup>22</sup> Shils and Janowitz 1948, 285.

## Муштра, дисциплина, лидерство и подчинение авторитету

В определенных условиях люди, похоже, обладают значительным потенциалом к совершению насилия, даже если не видят в этом радости или выгоды, причем, даже будучи абсолютно трезвыми и без особого принуждения. Для создания таких условий важны различные техники подготовки и развитие лидерских качеств, которые воздействуют на естественную склонность многих людей следовать за авторитетом<sup>23</sup>.

Традиционно жестокость военной подготовки помогала настроить потенциальных бойцов на соответствующий лад и развить в них боевые навыки. В то же время отметим почти полный отказ от такого подхода в армии США, где сержантам-инструкторам запретили использовать бранную лексику: в итоге это вроде бы не привело к снижению боевого потенциала солдат. А в российской армии жестокость, по-прежнему весьма распространенная при подготовке солдат, не способствовала появлению вымуштрованных и преданных бойцов. В целом же боеспособность, скорее всего, увеличивается, когда у тех, кто участвует в боевых действиях, в должных пропорциях присутствуют страх, любовь и/или уважение к командирам<sup>24</sup>.

Существенный вклад в исследования этого феномена внесли эксперименты Стэнли Милгрэма, помещавшего обычных людей в ситуации, когда им по требованию ведущего приходилось применять к другим людям некие устройства, которые казались им электрошокерами. Милгрэм установил, что существенная доля людей с «электрошокерами» была готова выполнять распоряжения ведущего, даже когда человек, подвергавшийся «удару тока» (на самом деле это была подсадная утка), инсценировал сильную боль и кричал, чтобы его отпустили<sup>25</sup>.

## Честь, долг, слава и страх позора

Способность причинять насилие может увеличиваться, если участники боевых действий убеждены, что воевать – их долг, а на кону в сражении стоят такие важные вещи, как честь и слава. Подобные мотивы, например, в значительной степени наблюдались среди немецких и японских солдат во время Второй мировой войны, а также среди участников Гражданской войны в США. Зачастую рука об руку с феноменом чести следует представление о том, что сдаться в плен – это огромный позор и унижение. Именно оно было особенно характерно для японских бойцов во время Второй мировой войны, которые, как правило, умирали или совершали самоубийство, но не сдавались<sup>26</sup>.

---

<sup>23</sup> McPherson 1997, 53.

<sup>24</sup> Shils and Janowitz 1948, 297–299. О жестокости в российской армии см. Atkinson and Lee 1990; Williams 1999; Lieven 1998, 198, 290–293.

<sup>25</sup> Милгрэм и другие исследователи видели проявление закономерностей, выявленных в ходе этих экспериментов, в таком эпизоде, как массовое убийство в Сонгми во время Вьетнамской войны, и в нацистских лагерях смерти во время Второй мировой войны (Milgram 1975, chap. 15; Kelman and Hamilton 1989; Staub 1989; Katz 1993). Второй из этих сюжетов рассмотрел Кристофер Браунинг, представив сенсационное исследование, посвященное тому, как значительное большинство обычных немецких полицейских непосредственно участвовали в уничтожении мирного еврейского населения, даже несмотря на то, что имели полное право отказаться от этой задачи, а многие из них явно считали ее отвратительной и ужасающей. Среди объяснений подобных действий, предложенных Браунингом, указываются подчинение авторитету и принуждение к конформному поведению в условиях войны и идеологического расизма (Brownning 1998, chap. 18). Различные примеры воспроизведения и экстраполяции результатов работы Милгрэма см. в: Blass 2000.

<sup>26</sup> О Второй мировой войне см. Shils and Janowitz 1948, 292–297; см. также Kellett 1982, 327–328. О Гражданской войне в США см. McPherson 1997, 22–29. О стыде и унижении см. Edgerton 1992, 186–187.

## Любовь

Исследования мотивов участия в сражении в целом показывают, что наиболее надежным качеством, вдохновляющим людей подвергать себя смертельной опасности в бою, оказывается то явление, которое именуется верностью малой группе, сплоченностью подразделения, солидарностью первичной группы, узами мужского товарищества или взаимовыручкой<sup>27</sup>. Один солдат XV века говорил об этом так: «Сколько радости приносит пребывание на войне!.. Великое сладостное ощущение преданности и сострадания переполняет сердце, когда ты видишь, как твой товарищ столь доблестно бросается выполнять и доводить до конца приказ нашего Создателя. Именно в этот момент вы готовы следовать за ним, чтобы жить или умереть вместе с ним, но во имя любви не бросить его. А это рождает такое наслаждение, что всякому, кто его не испытывал, неуместно говорить о том, что есть блаженство». Один солдат, воевавший во время Гражданской войны в США на стороне конфедератов, писал об «ощущении любви – крепкой привязанности к тем, кто вместе с тобой прошел через опасности, – такое вы больше не почувствуете ни к кому и ни в каких других обстоятельствах». Другой американский солдат, участник Второй мировой войны, несколько более прозаично говорил, что «потребовалось пройти чуть ли не всю войну, прежде я чем понял, за что сражаюсь. Я сражался за других парней. За тех, кто служит с тобой, за парней из твоей роты, но главное – за свой взвод»<sup>28</sup>.

Как утверждает Бройлз, «самыми стойкими военными переживаниями» являются «товарищество» и «братская любовь» – некий «утопический опыт», в котором «индивидуальные достоинства и преимущества – ничто, а коллектив – всё». А вот какое предположение делает Джесси Грей в своих наблюдениях о «наслаждении товариществом»: «Должно быть, существует сходство между этой готовностью солдат-товарищей к самопожертвованию и готовностью святых умереть за веру». А Кристофер Браунинг отмечает, что ключевым мотивом для многих служащих германской полиции, которые совершали массовые убийства евреев в Польше, было ощущение, что они подведут своих товарищей, отказавшись от «грязной работы»<sup>29</sup>.

Военные действия действительно стали столь эффективными и смертоносными именно благодаря открытию того, что любовь – любовь к тому, кто сражается рядом с тобой, к товарищам по оружию – может вдохновлять людей сражаться и умирать в бою. Судя по приведенному выше высказыванию солдата XV века, эта основополагающая мысль время от времени возникала и в прошлом, причем зачастую изобретательно использовалась, например, когда во время Гражданской войны в США давались распоряжения формировать боевые подразделения из земляков, что усиливало эффект боевого товарищества. Однако явное, официальное и сознательное признание и оценка этой составляющей войны, похоже, произошли относительно недавно – фактически лишь во время и после Второй мировой войны<sup>30</sup>. Таким образом, значимость рассматриваемого фактора, вероятно, не была самоочевидной, однако оказалась очень важной для развития организованных вооруженных сил: в значительной степени все, что вам нужно для войны, – это именно любовь<sup>31</sup>.

<sup>27</sup> Keegan 1987, 197; Dyer 1985, chap. 5; McPherson 1997, chap. 6; Guilmartin 1997, 37–40; Hauser 1980, 188–195; Shils and Janowitz 1948, 283–288; Holmes 1985, 270–359; Grinker and Spiegel 1945, 25; Hedges 2002, 38, 40. См. также Smith 1949; Bourke 1999, chap. 5; Kellett 1982, chap. 18; Valentino 2004. Более общее рассмотрение данного процесса см. в: Sherif et al. 1961; Tajfel 1982.

<sup>28</sup> Высказывание солдата XV века приводится в: Vale 1981, 30; см. также Parker 1997, 174. О конфедератах см. McPherson 1997, 87. Высказывание ветерана Второй мировой приведено в: Fussell 1989, 140.

<sup>29</sup> Broyles 1984, 58; Gray 1959, 47; Browning 1998, 184–185.

<sup>30</sup> McPherson 1997, 86; Keegan 1987, 197; Kellett 1982, 41, 320.

<sup>31</sup> Ироничная аллюзия на один из главных гимнов пацифистского движения времен Вьетнамской войны – песню All You

## Верования

Результаты большинства исследований показывают, что идеология и отвлеченные верования не входят в число наиболее убедительных мотивов для участия в войне, в особенности в долгосрочной перспективе и непосредственно в бою<sup>32</sup>. Например, обратимся к такому рассуждению сержанта армии США Кени Томаса о сражении, в котором он участвовал: «Я любил Кейси. Знаете, я слышал, как его отец спрашивал: „Его смерть была напрасной?“ Кейси умер за то, что я считаю важным: за чувство долга и того парня, с которым ты стоишь плечом к плечу... Но если вы считаете, что кто-то погиб там напрасно, значит, вы обесцениваете то, за что мы сражаемся, и все, во что мы верим»<sup>33</sup>. Исходя из этого свидетельства, чувство долга и боевые товарищи и есть «то, за что мы сражаемся» и «то, во что мы верим».

Тем не менее некоторые участники боевых действий действительно сражаются и погибают во имя идей, идеалов и убеждений в привычном смысле этих понятий<sup>34</sup>. Все это работает максимально эффективно в тех случаях, если солдаты проникнуты определенной долей доверчивости – в этом, вероятно, и заключается одна из причин, почему в армиях обычно предпочитают комплектовать ряды юношами, а не зрелыми мужчинами<sup>35</sup>.

Исторически этой цели очень часто служила религия, в особенности представление о том, что поддержка и руководство божества – на нашей стороне. Как дерзко подметил Алан Александр Милн, Бог участвует в войне, «сражаясь на обеих сторонах и давая им присущую Ему надежду». Во время Гражданской войны в США, отмечает Джеральд Линдерман, «было чрезвычайно распространено убеждение, что Бог гарантирует победу той армии, чья коллективная вера наиболее прочна»<sup>36</sup>. Кроме того, религия, молитва и вера в божество способны оказать поддержку ведению боевых действий, помогая солдатам справиться с ужасом и напряжением, неизбежными на поле битвы: как говорится, не бывает атеистов в окопах под огнем<sup>37</sup>. Поэтому, чтобы приободрить солдат накануне боя, командиры зачастую обращались к религиозным ритуалам и призывам. Религия, конечно же, не является единственным инструментом достижения этой цели, но вряд ли стоит сомневаться, что вера в существование направляющего ваши действия и помогающего вам божества помогала легче переносить войну. Иногда эта составляющая может усиливаться, если участники военных действий начинают верить, что за смерть в бою полагается особенное вознаграждение на небесах. Похоже, именно это побуждало тысячи молодых иранских новобранцев массово идти на смерть в ходе ирано-иракской войны 1980-х годов. Викинги точно так же верили, что в Вальгаллу попадет лишь тот воин, который встретил смерть на поле битвы, – подлинно неординарный миф, поскольку убежденные в этом люди будут не только стоять насмерть в бою, но и избегать летальных столкновений в мирное время.

---

Need Is Love группы The Beatles. – *Прим. ред.*

<sup>32</sup> Shils and Janowitz 1948, 284, 300, 302–303, 309; Fussell 1989, chap. 10; Desch 1993–1994; Browning 1998, 177–184; Kellett 1982, chap. 12.

<sup>33</sup> «Ambush in Mogadishu», *Frontline*, PBS, August 29, 1998, а также November 1, 2001.

<sup>34</sup> McPherson 1997, chap. 2.

<sup>35</sup> По словам Пола Фасселла, «в атаку пойдут только молодые, атлетичные, легковверные и опирающиеся на ту или иную разновидность товарищества люди» (Fussell 1989, 4). Об этом же говорится в работе Эдварда Шилза и Морриса Яновица: когда люди «попадают в сугубо мужское общество военной части, где отсутствуют такие элементы гражданского общества, как контроль со стороны взрослых и различные удовольствия, они склонны к возвращению в подростковое состояние. Демонстрация „твердости“ и жесткости, почитаемых солдатами за достоинство, оказывается реакцией на это новое появление подросткового страха проявить слабость» (Shils and Janowitz 1984, 293–294).

<sup>36</sup> Milne 1935, 222–223; Linderman 1987, 10; см. также McPherson 1997, chap. 5.

<sup>37</sup> См. Smith 1949, 172–188; Keegan 1987, 197; Kellett 1982, 193–195.

Прочие мотивирующие верования имеют идеологический, расовый, националистический или патриотический характер. По меньшей мере некоторые солдаты, скорее всего, искренне присоединялись к лозунгам наподобие «Свобода или смерть!» либо «Умрем за свободу народа!»<sup>38</sup>. Однако в целом верования наподобие того патриотического пыла, который французы называют *rage militaire* [военный раж – *фр.*], похоже, наиболее эффективны для записи в добровольцы, а для помощи людям справиться с затяжными тяготами войны более важными становятся иные мотивировки. Кроме того, верования, как правило, имеют большее значение для командиров, нежели для рядового состава<sup>39</sup>.

При рассмотрении войн, в особенности межэтнических, нередко утверждалось, что ключевое значение здесь имеют ненависть, гнев и жажда мести, которые можно считать разновидностями верований, а насилие может прорываться из застарелой или недавно возникшей ненависти между сражающимися людьми или народами. В конечном счете, этим эмоциям тоже может давать ход любовь, например желание отомстить за смерть товарища<sup>40</sup>. Я не хотел бы полностью сбрасывать роль этих мотивов со счетов и в последующих главах вернусь к данному вопросу более подробно, ведь многие из главных убийц и зачинщиков насилия в самом деле крайне сосредоточены на ненависти и стремлении к отмщению. Однако использованию ненависти, гнева или отмщения в качестве ключевых объяснительных переменных препятствует множество затруднений<sup>41</sup>.

Начнем с такой проблемы, как поддержание градуса этих эмоций. В ходе насильственных конфликтов актуальный процесс ведения боевых действий с течением времени, как правило, рутинизируется – фактически он становится крайне утомительным. Поддерживать высокий градус ненависти, гнева и желания мести становится все сложнее. Гораздо более распространенным явлением, чем что-либо еще, на войне в действительности оказывается цинизм<sup>42</sup>. Разумеется, отдельные люди способны действовать с неизменно высоким накалом ненависти и гнева: в качестве примеров можно привести некоторых сторонников единства и независимости Ирландии и ряд противников существования Израиля. Но такие люди, похоже, редкость, а страсти, которые ими движут, могут оказаться саморазрушительными, или, как часто говорят, «поглощающими». Командиру на войне было бы неразумно полагаться на то, что он сможет поддерживать неизменный градус ненависти или гнева.

Кроме того, хотя проявления ненависти в отношениях между отдельными людьми и группами чрезвычайно распространены, и это весьма безотраднo – последователи Арчи Банкера<sup>43</sup> найдутся везде, – люди, склонные к ненависти, прибегают к насилию примечательно редко. В действительности, если обратиться к относительным показателям, насилие является практически исключительным явлением<sup>44</sup>. Согласно одному из подсчетов, за отдельный 20-летний

<sup>38</sup> В оригинале имеются в виду следующие высказывания: «Дайте мне свободу или дайте мне смерть!» – цитата из речи борца за независимость американских колоний Патрика Генри, произнесенной в ходе заседания второго Вирджинского Конвента 23 марта 1775 года; «Умрем за то, чтобы люди были свободны» – строка из Боевого гимна Республики, популярного среди солдат армии северян в годы Гражданской войны в США. – *Прим. пер.*

<sup>39</sup> McPherson 1997, 16; Desch 1993–1994; Shils and Janowitz 1948.

<sup>40</sup> McPherson 1997, 153; Peterson 2002; см. также Judah 2000.

<sup>41</sup> См. также Valentino 2004.

<sup>42</sup> Например, Фасселл, оценивая боевой опыт американских солдат во Второй мировой войне, отмечает серьезную ненависть, которую бойцы испытывали к японцам, и желание отомстить за нападение на Перл-Харбор. Но при этом Фасселл показывает, что у большинства бойцов формировалось стойкое циничное отношение к войне, на обсуждение вопросов идеологии они почти не тратили время, а сражались они преимущественно из верности товарищам и из желания покончить с войной, чтобы вернуться домой (Fussell 1989, chap. 10). См. также Bourke 1999, chap. 5.

<sup>43</sup> Арчи Банкер – главный герой популярного американского ситкома 1970-х годов, нарицательное наименование человека с ксенофобскими и шовинистическими взглядами. – *Прим. пер.*

<sup>44</sup> Таким же обычным явлением, как ненависть, не переходящая в насилие, выступает насилие без ненависти, для которого, в частности, характерны самые надуманные из всех возможных идентичностей. Например, футбольные хулиганы, несмотря на возможную принадлежность к одному и тому же социальному классу, религии, этносу или национальной группе, часто

период лишь 0,05 % потенциальных этнических конфликтов в Африке перешли в насильственную фазу. Кроме того, даже несмотря на то что между различными народами может накапливаться масса ненависти, насилия и враждебности, непохоже, что между этими состояниями и войной наблюдается устойчивая корреляция. Иными словами, война не особенно распространена в тех территориях, где между этническими группами присутствуют максимальные ненависть и разногласия. В действительности даже в тех социумах, которые, предположительно, наполнены ненавистью, людям удается жить бок о бок мирно, причем нередко на протяжении столетий, а число смешанных браков в таких сообществах порой растет невероятными темпами. Более того, привычное представление о том, что фактором групповой консолидации является антипатия к некоей чужой группе, глубоко ошибочно. Сербь, проживавшие в Сербии, нередко были неспособны к проявлению эмоций к оказавшимся в безвыходном положении соплеменникам, бежавшим в Сербию из раздираемых войной Хорватии и Боснии, видя в этих беженцах, нередко выходцах из сельской местности, «деревенщину» и «голытьбу из захолустья»<sup>45</sup>.

Наконец, в ряде случаев ненависть, казавшаяся возникшей от природы, может исчезать впечатляюще внезапно и, по-видимому, полностью, как только конфликт исчерпан. По наблюдениям Лоренса Кили, «человеческому поведению присуща удивительная пластичность»: отношения нередко «превращаются из привычной дружбы в острую неприязнь и обратно с впечатляющей скоростью». Например, Дэниел Голдхейген утверждает, что в Германии давно существовал «извечный подспудный антисемитизм», так что Гитлеру и нацистам попросту требовалось «дать ему волю и тем самым его активировать», тем не менее после Второй мировой войны благодаря демократии и юридическим запретам на антисемитские высказывания немцы быстро превратились в либерально-демократическую нацию «наподобие нас». Однако, отмечают некоторые критически настроенные авторы, если все это исчезло столь стремительно и бесповоротно, то давайте для начала ответим на вопрос: насколько естественной была эта ненависть к евреям? Примерно таким же образом Джон Дауэр документировал дикую, почти животную ненависть к японцам, которая, казалось, пышно расцвела среди американцев во время Второй мировой войны (многие из этих проявлений уходили корнями в различные расистские инциденты и меры, имевшие место десятилетия тому назад). Однако после войны эта ненависть стремительно и почти полностью исчезла: опросы, проведенные вскоре после наступления мира, показали, что из всех иностранцев японцы больше всего восхищаются именно американцами – теми самыми американцами, которые в 1945 году бомбили Токио, Хиросиму и Нагасаки<sup>46</sup>.

В действительности, если бы люди не были способны контролировать проявления ненависти более или менее рациональным образом, война оказалась бы каким-то невозможным или

---

прибегают к насилию даже на местных любительских матчах (Buford 1991, см. также Tilly 2003, 81–87). Примерно так же может обстоять дело и с битвами уличных банд, участники которых зачастую отличают себя друг от друга благодаря созданию идентичностей, привязанных к конкретным городским кварталам – идентичностей, имеющих тонкие оттенки, но при этом подчеркнуто надуманных.

<sup>45</sup> Данные по Африке приведены в: Fearon and Laitin 1996, 717; см. также Keeley 1996, 178. О слабой корреляции между негативными эмоциями и насилием говорится в следующих работах: Collier 2000; Collier and Hoeffler 2001; Fearon and Laitin 2003, 83–84; Sadowski 1998; Keen 1998, chap. 2; Valentino 2004. О высоком уровне межэтнических браков в период войн в бывшей Югославии см. в: Gagnon 1994–1995, 134; Bennett 1995, 192. О «деревенщине» см. Cohen 1998, 296. Аналогичным образом хорваты из Хорватии относились к хорватам из соседних стран: «Ненавижу их. Ненавижу беженцев: не хотят работать, от них воняет» (Merrill 1999, 126). См. также Spolar 1995; Woodward 1995, 364; Kinzer 1995b; Bowen 1996; Sadowski 1998, 78–80.

<sup>46</sup> Keeley 1996, 158. О вырвавшемся наружу антисемитизме см. в: Goldhagen 1998, 443. О либерально-демократической нации «наподобие нас» см. в: Smith 1996, а также Goldhagen 1998, 593–594. Критические высказывания см. в: Bartov 1998, 34; Browning 1998, 193. Дауэр утверждает, что подобные представления эволюционируют от исходного озлобленного расизма к расизму уничижительному: например, японцы, которые некогда изображались устрашающими перемазанными кровью гориллами, превратились в симпатичных маленьких обезьянок (Dower 1986, 302). Но даже такая трансформация имеет глубокий характер, и произошла она почти сразу после окончания войны.

по меньшей мере исключительно сложным делом. Для максимально эффективного ведения военных действий их участникам требуется давать волю страстям только по команде и уметь сдерживать их по приказу даже в том случае, когда для эмоционального ответа есть серьезный повод (в качестве примера можно привести ситуацию, когда нужно не отвечать обстрелом на обстрел). Ненависть и желание отомстить и правда зачастую выглядят не столько причиной, сколько результатом насильственного конфликта, либо, как в случае противостояния между футбольными фанатами, ненависть порой может скорее служить поводом, а не причиной для насилия<sup>47</sup>.

---

<sup>47</sup> См. также Kaufmann 1996, 141–146; Keen 2000, 22.

## Становление армий: криминальное и организованное ведение войны

Из приведенного выше перечня критериев не следует делать вывод, что вербовать, удерживать в строю и мотивировать участников боевых действий – это легкая задача. Описанные приемы могут быть эффективны, но попытки заставить людей совершать насилие индивидуально или коллективно часто с треском проваливались, а дезертирство и переход на сторону противника в ходе военных действий были совершенно привычным явлением, даже если за это грозит смертная казнь, а именно так очень часто и поступают с дезертирами и перебежчиками. Иными словами, несмотря на огромный объем психологических и исторических работ о важности воинской чести, о подчинении авторитету и верности группе, ключевая проблема военных действий на протяжении веков остается неизменной: как воспрепятствовать тому, чтобы люди не пошли на грубое нарушение приказов, дезертировав при первой же возможности? Наглядным примером этого является поведение иракской армии во время Войны в заливе 1991 года. Но даже в работе сравнительно отлаженной военной машины нацистской Германии случались осечки: за различные проступки во время Второй мировой войны было казнено 15 тысяч человек<sup>48</sup>. К тому же проблема заключается не просто в том, чтобы создать армию, которая успешно проявит себя в насилии во время боя, а в том, чтобы эта армия еще и могла справиться с длительными периодами скуки и гнетущего бездействия между сражениями.

В связи с этим историк Джеймс Макферсон приводит убедительные доказательства того, что солдаты, участвовавшие в Гражданской войне в США, возможно, гораздо больше вдохновлялись верованиями и идеологией, нежели основная масса участников большинства других войн. Но даже Макферсон приводит значительные свидетельства, демонстрирующие, что лишь примерно половина солдат действительно сражались, в то время как остальные – их называли по-разному: тихушники, прогульщики, шмыгуны, халявщики, бродяги, улепетьвающие, волынщики или прохиндеи – при первых же признаках сражения были склонны исчезать из виду, сказываться больными, дезертировать или изъявлять потребность помогать раненым товарищам в тылу. Макферсон справедливо называет впечатляющим тот факт, что более половины первых добровольцев армии северян сохранили достаточно энтузиазма, чтобы завербоваться вновь после истечения сроков их контрактов, однако при этом ясно дает понять, что этот энтузиазм был перемешан с манипулятивными призывами не посрамить честь полка, внушительными финансовыми стимулами и посулами длительных отпусков<sup>49</sup>. Правда, давление коллектива способно не только подтолкнуть многих (а возможно, и большинство) людей к насилию, но и удержать от него. Верность этого заключения подкрепляется одной из вариаций эксперимента Милгрэма. Когда ничего не подозреваемый испытуемый оказывался между двумя людьми, действовавшими по договоренности с организатором, которые по условному знаку отказывались исполнять его приказ «ударить током» предполагаемую жертву, почти все

---

<sup>48</sup> Desch 1993–1994, 361.

<sup>49</sup> McPherson 1997, 6–8, 59, 173. Кроме того, Макферсон с готовностью признает, что авторами подавляющего большинства дневников и писем, которые он анализирует, были идеологически ангажированные лица – офицеры, рабовладельцы, представители уважаемых профессий и выходцы из среднего класса, добровольцы, присоединившиеся к армиям в первые дни войны. Гораздо меньше письменных свидетельств осталось от призывников, от тех, кто отправился служить вместо откупившихся или завербовался за вознаграждение. Более того, Макферсон подозревает, что кое-кто «скрывал свои истинные мотивы за галантными рассуждениями о долге, чести, стране и свободе» (McPherson 1997, ix, 28, 101–102). Иные мнения об участниках Гражданской войны и таком вопросе, как продление контрактов на военную службу, см. в: Linderman 1987, особенно р. 261–265; оценку этой работы Макферсоном см. в: McPherson 1997, 186.

участники, не знавшие о сути эксперимента, прекращали участие в нем и отказывались наносить новые удары<sup>50</sup>.

В целом просматривается два способа формирования боевых сил, при помощи которых успешно удается уговорами или силой заставить сборища людей погрузиться в такое жестокое, нечестивое, требующее жертв, полное неопределенности, мазохистское и по сути бессмысленное предприятие, как война. Каждому из этих двух способов соответствуют две разновидности ведения войны, и различие между ними способно рассказать о многом.

На интуитивном уровне может показаться, что наиболее простым (и самым дешевым) способом вербовки людей для войны будет положиться на первую из рассмотренных выше мотиваций – поставить под ружье тех, кто упивается насилием и регулярно к нему стремится, либо тех, кто постоянно прибегает к насилию ради обогащения, либо представителей обеих этих групп. В обычной жизни мы называем таких людей преступниками, однако к данной категории можно также отнести тех, кого в разговорном языке именуют громилами, хулиганами, бандитами, головорезами и отморозками. Насильственные конфликты, участниками которых преимущественно выступают подобные лица, можно отнести к криминальному типу ведения боевых действий: для этой разновидности войны характерно, что ее участники склонны к совершению насилия прежде всего ради развлечения и материальной выгоды, которую они извлекают из таких деяний.

Представляется, что криминальные армии возникают в результате двух процессов. Иногда преступники – воры, налетчики, грабители, разбойники, хулиганы, громилы, бандиты, пираты, гангстеры, отщепенцы – организуются или объединяются в шайки, банды или мафиозные структуры. Когда подобные организации становятся достаточно многочисленными, они могут походить на полноценные армии и во многом действовать соответствующим образом.

Второй возможный вариант формирования криминальных армий – когда тот или иной правитель, которому требуются солдаты для ведения войны, приходит к пониманию, что наиболее уместным или незатейливым способом решить эту задачу будет нанять или заставить пойти на войну преступников и головорезов. В этом случае последние, по сути, выступают в качестве наемников.

Однако на практике преступники и головорезы, как правило, оказываются никчемными солдатами вне зависимости от того, оказались ли они на войне в силу склонности к удовольствию от насилия или же благодаря стремлению на ней пожить. Прежде всего подобных лиц зачастую трудно контролировать. Представители криминалитета способны создавать проблемы: они недисциплинированы, непокорны и склонны к бунту, а также нередко совершают несанкционированные преступления при исполнении служебных обязанностей или в неслужебное время, что может нанести ущерб всему военному предприятию или вовсе оказаться для него губительным. Эта естественная для криминалитета неуправляемость нередко усиливается в условиях лишений и скуки, характерных для затяжных перерывов между военными действиями, и для того, чтобы развеяться, такие бойцы могут решить вернуться к своим привычным занятиям, только теперь их жертвами могут оказаться сослуживцы.

Но самое важное заключается в том, что при приближении опасности у преступников может не возникнуть желания удерживать боевые позиции, а при совпадении желания и подходящей возможности они зачастую просто дезертируют. В конечном итоге обычный преступник охотится на слабых – он скорее поднимет руку на хрупкую старушку, чем на дюжего здоровяка. Поэтому преступники нередко готовы и способны казнить беззащитных людей<sup>51</sup>, но стоит лишь показаться полиции, как их и след простыл. Не стоит забывать, что девиз преступ-

---

<sup>50</sup> Milgram 1975, 116–121. См. также Valentino 2004, 268, п. 78.

<sup>51</sup> Об использовании отбывающих срок преступников в ходе массового убийства турками армян в 1915 году см. Staub 1989, 182; Valentino 2004, chap. 5. Об использовании криминальных полувоенных формирований в резне в боснийском городе Сребреница в 1995 году см. Kaldor 1999, 55.

ников – «Хватай деньги и беги», а не формулировки в духе *Semper fi*, «Один за всех и все за одного», «Долг, честь, Родина»<sup>52</sup>, «Банзай!» или «Помни про Перл-Харбор!».

Для преступника гибель в бою (или же при ограблении банка) в самом деле совершенно бессмысленна: глубоко иррационально умирать ради острых ощущений от насилия и тем более ради получения добычи, если с собой не удастся захватить ни то ни другое. Поэтому в целом, несмотря на то что преступники кажутся более склонными идти на риск, чем обычные люди, а заманить их на войну можно посулами денег или добычи и возможностями причинения насилия, эти люди обычно надежно сражаются только в том случае, когда шансы погибнуть не слишком высоки либо когда их к этому активно принуждают.

Свидетельства из некоторых дневников и писем участников Гражданской войны в США, которые исследовал Макферсон, наводят на определенные размышления. «С поразительным единодушием, – отмечает историк, – солдаты из семей среднего достатка пишут домой, что „те, кто дома не отличался бузотерством и драчливостью, держатся под пулями лучше всех“. „Задиры, всегда готовые ввязаться в уличную драку, в сражении оказываются трусами“. „Не знаю ни одного забияки, который не показал бы себя *трусом* как солдат“. „Обычно те, кто дома слыли тихонями, здесь испытывают меньше всего страха“». Столь же невысокого мнения авторы этих строк были о солдатах, которые отправились служить вместо откупившихся от призыва<sup>53</sup>, и об охотниках за наживой, со временем пополнивших армию северян: «Охотники за большой наживой – это вообще не люди», – писал один из участников Гражданской войны. «Большинство из них пожаловали на войну, чтобы захватить добычу и как можно скорее слинять». Резервисты, попавшие в армию вместо откупившихся, производили впечатление «жалких угрюмых грубиянов», «во всем уступавших старым патриотам-добровольцам, которые шли воевать „без денег и не ради денег“». «*Платные* солдаты не стоят того, сколько на них *тратят*: когда над головой свистят пули, вы их увидите попрятавшимися в лесу»<sup>54</sup>. Как видно из этих выдержек, присутствие подобных людей в рядах действующей армии может подорвать боевой дух тех участников боевых действий, которые не являются преступниками. В мирной жизни эти люди привычно избегают преступников и прочих нежелательных лиц, а в бою у них есть основания не доверять надежности подобных персонажей.

Исторически перечисленные проблемы, связанные с вербовкой преступников для участия в боевых действиях, приводили к попыткам набора бойцов из рядов обычных граждан, то есть людей, которые, в отличие от преступников и головорезов, в своей нормальной жизни не совершают насилия (хотя могут видеть множество насилия по телевидению). Исследователи боевых действий действительно в целом обнаруживают положительную корреляцию между эффективностью солдата на войне и его принадлежностью к тому или иному социальному статусу, уровнем его образования, интеллектуального развития и психологической устойчивостью<sup>55</sup>.

В результате появились организованные военные действия, в ходе которых люди совершают насилие прежде всего не ради развлечения и наживы, а потому, что благодаря физической подготовке и идеологической обработке они уяснили необходимость исполнять приказы, соблюдать тщательно проработанный и пристрастный кодекс чести, стремиться к славе и репутации в бою, любить, почитать или бояться своих командиров, верить в свое дело, бояться

<sup>52</sup> *Semper fi* – сокращенное латинское выражение *semper fidelis* (всегда верен долгу), ставшее девизом Корпуса морской пехоты США; «Долг, честь, родина» – формула из речи генерала Дугласа Макартюра, произнесенной перед кадетами Военной академии США 12 мая 1962 года. – *Прим. пер.*

<sup>53</sup> В 1863 году Конгресс принял первый в истории США закон о воинском призыве, однако он давал возможность откупиться от призыва за 300 долларов (порядка 6 тысяч долларов в сегодняшнем эквиваленте) и найти другого человека на замену. В итоге оказалось, что состоятельные американцы массово уклоняются от призыва, что спровоцировало в июле 1863 года пятидневные беспорядки в Нью-Йорке. – *Прим. ред.*

<sup>54</sup> McPherson 1997, 8–9, 116.

<sup>55</sup> Stouffer et al. 1949, 36–38; Watson 1978, 49; Grinker and Spiegel 1945, 11–12; McPherson 1997, 9.

позора, унижения или последствий сдачи в плен, а в особенности быть верным своим боевым товарищам и заслуживать их верность<sup>56</sup>. Подобно преступникам, участники организованных боевых действий тоже могут сражаться, чтобы пережить острые ощущения на поле боя и обогатиться; принуждение, а также наркотики или алкоголь и здесь способны демонстрировать ту или иную актуальность. Однако первоочередные мотивы оказываются совершенно иными.

---

<sup>56</sup> Давление со стороны товарищей может выступать мотивирующим фактором и в некоторых криминальных войнах. Когда кто-то демонстрирует злобу, ухарство и дерзость, это способно мотивировать отдельных людей на совершение преступлений обычного типа. Однако участники криминальных военных действий, скорее всего, не будут доводить все это до такой степени, что станут с готовностью умирать друг за друга.

## Криминальные и организованные войны, преступность, терроризм

Банды криминальных бойцов зачастую оказываются сравнительно малочисленными, что отчасти отражает относительно низкую долю преступников в общей массе людей, сложность контроля над ними и ограниченный объем ресурсов, доступных для разграбления. Напротив, организованные армии, которые ограничены лишь такими факторами, как экономический потенциал и уровень подготовки солдат, могут быть очень большими.

Участники организованных военных действий обычно сражаются ради победы и завершения войны, чтобы затем вернуться к мирной жизни в качестве штатских лиц или кадровых военных. С другой стороны, криминальные бойцы зачастую менее склонны к завершению войны, поскольку она нередко обеспечивает их благосостояние, а в стране, обнищавшей из-за войны, в которой они только что участвовали, им придется столкнуться с безработицей или вернуться к преступлениям<sup>57</sup>.

Участники организованных военных действий прежде всего стремятся причинить насилие друг другу, а в ряде случаев они даже могут предпринимать попытки не наносить вреда, в особенности прямого, гражданскому населению. Для криминального ведения боевых действий характерно, что их участники стремятся применять насилие к мирным гражданам, особенно беззащитным, поскольку именно так они могут получить максимальное моральное и материальное удовлетворение при минимальных рисках.

Более масштабно эти сравнения приведены в таблице 1. В нижней ее части представлены способы, при помощи которых преступники и головорезы обретают такую степень организации, что их можно считать участниками войны или близкой к ней ситуации – речь идет о превращении преступников в наемников или о формировании банд под руководством военных баронов. Организованные военные действия в таблице разделены на две группы: конвенциональные (войны «по Клаузевицу», или войны, ведущиеся регулярными соединениями) и неконвенциональные (партизанские или примитивные).

Таблица 1. Война, преступность и терроризм

---

<sup>57</sup> Как только после окончания такой войны преступники будут демобилизованы и окажутся среди гражданского населения, они, скорее всего, вернутся к своим хищническим привычкам, что, конечно же, особенно вероятно, если у них совсем нет доходов или им мало платят. Даже те, кто попал в криминальную армию, не будучи преступником, могут ими стать после возвращения к гражданской жизни: если солдаты в большинстве своем являются преступниками или производят соответствующее впечатление, работодатели, скорее всего, будут дискриминировать всех бывших солдат и прочих нежелательных лиц. Такая ситуация обычно обостряется тем обстоятельством, что война зачастую ослабляет экономику.

	Насилие, осуществляемое многочисленными группами (война)		Насилие, осуществляемое отдельными людьми или малыми группами
Организованные войны	Конвенциональные	Неконвенциональные	Терроризм
	Войны «по Клаузевицу» с участием регулярных соединений	Примитивные Партизанские (guerrilla) Диверсионные (partisan) Повстанческие Народно-освободительные	
	Мао Цзэдун: фаза 3	Мао Цзэдун: фаза 2	Мао Цзэдун: фазы 1 и 2
Криминальные войны	Разбойничество Действия военных баронов Насмничество Мародерство		Преступность бандитизм мафия организованный криминал бунты

Как следует из таблицы, когда криминальные методы ведения войны применяются спорадически отдельными лицами или малыми группами, такие действия обычно характеризуются как *преступность*. Когда отдельные лица или малые группы спорадически применяют организованные методы ведения боевых действий, их действия можно назвать *терроризмом*. А когда многочисленные группы осуществляют обе формы насилия, которое становится продолжительным или достаточно устойчивым, перед нами все признаки *войны*<sup>58</sup>.

Соотношение между терроризмом и организованными военными действиями можно проиллюстрировать на примере работ Мао Цзэдуна о партизанской войне. Мао выделял в ней три фазы. Первая, по сути, является оборонительной: она предполагает создание тыловых баз и завоевание массовой поддержки. В конце этой фазы ее участники начинают предпринимать наступательные террористические действия против неприятеля, мишенью которых выступают как военные, так и гражданские лица, например чиновники и учителя. По мере развития подобной тактики на второй фазе наступает время полномасштабной партизанской войны, в основе которой лежит подход «бей и беги». «Возможность бегства – постулирует Мао, – явля-

<sup>58</sup> Терроризм принято определять по такому критерию, как его цель, и рассматривать в качестве террористических актов только нападения на гражданских лиц. Однако при таком подходе терроризмом придется признать стратегические бомбардировки городов или применение экономических санкций, что приведет к искажению устоявшегося значения термина «терроризм». Чтобы решить эту проблему, некоторые определения терроризма предполагают указание на то, что акты терроризма должны осуществляться негосударственными субъектами. Однако при таком подходе по меньшей мере одну из сторон почти любой гражданской войны, включая Вьетнамскую, придется считать террористами, особенно на ранних стадиях войны. Действия вьетнамских коммунистов в отношении гражданского населения в начале и середине 1960-х годов – заказные убийства, засады, преследования, саботаж и нападения – обычно квалифицировались как война, а не как терроризм, поскольку эти акты не были спорадическими и осуществлялись многочисленной хорошо организованной группой (см.: Pike 1966, chap. 8).

ется сущностью партизанской войны». Наконец, на третьей фазе ослабевший противник будет вовлечен в стандартные, конвенциональные военные действия, которые увенчаются его сокрушительным поражением<sup>59</sup>. Переход от второй фазы к третьей может даваться непросто. Если осуществить его преждевременно, это может сыграть на руку противнику, ориентированному на конвенциональную войну – именно эту ошибку допустили коммунистические партизаны в конце 1940-х годов в Греции, а в 1972 году – во Вьетнаме<sup>60</sup>.

Цель участников военных действий против партизан или повстанцев – остановить и обратить вспять деятельность партизан, низведя ее до терпимого масштаба террористической активности. Аналогичным образом борьба с криминальным типом военных действий подразумевает усилия по сокращению численности ведущих их групп и снижению частоты совершаемого ими насилия. Когда эти усилия приводят к успеху, «война» оканчивается, а остаточные насилие и хищничество будут квалифицироваться как терроризм или преступность.

Криминальный тип военных действий не следует смешивать с той разновидностью неконвенциональных, но организованных военных действий, которые ведут партизаны или воины, именуемые антропологами «примитивными». Тактика, применяемая подобными неконвенциональными участниками военных действий, часто напоминает тактику криминальных бойцов: ставка делается на основанные на принципе «бей и беги» набеги на гражданских лиц и избегание полномасштабных сражений. Кроме того, неконвенциональные партизанские войны, как и криминальные военные действия, зачастую ведутся в условиях ограниченной логистической поддержки и без особо проработанной стратегии, за исключением истощения противника. Однако неконвенциональные военные действия в самом деле могут отличаться самоотверженностью в том смысле, что их участники, порой получающие боевую подготовку с рождения, зачастую сражаются с рациональной преданностью и готовностью умереть за свое дело, за свой отряд – или друг за друга<sup>61</sup>. В соответствии с представленными выше определениями такие боевые действия мы будем относить к организованным.

---

<sup>59</sup> О сущности партизанской войны см. Kaldor 1999, 97. О фазах партизанской войны, выделенных Мао, см. Griffith 1961, 20–22.

<sup>60</sup> Имеется в виду так называемое Пасхальное наступление войск Северного Вьетнама, которое оказалось неудачным, что в дальнейшем позволило США выйти из войны на «почетных» условиях. – *Прим. ред.*

<sup>61</sup> Keeley 1996, 42–48. См. также Lieven 1998, 5, 130, 324–354; Valentino 2004, chap. 6.

## **Разновидности войн между организованными и криминальными вооруженными силами**

Опираясь на приведенные определения, можно рассмотреть вероятный исход трех разновидностей войн: между организованными армиями с обеих сторон, между криминальными армиями с обеих или нескольких сторон и между организованными и криминальными армиями, противостоящими друг другу.

В большинстве работ, посвященных войнам, рассматриваются структурированные насильственные конфликты между организованными конвенциональными армиями. Исход войн между организованными вооруженными силами, как правило, зависит от должного уровня подготовки, командования, логистической поддержки, вооружения и в особенности от морального духа солдат. Как правило, армии продолжают сражаться до тех пор, пока одна из сторон не «сломается», что может произойти внезапно, даже стремительно, а причиной этого, по всей вероятности, выступит некое событие, которое впоследствии назовут «решающим»<sup>62</sup>.

В войнах между организованными армиями обычно случаются масштабные и драматичные крупные сражения или боестолкновения, в ходе которых армии, по сути, готовы выяснить отношения между собой, а огромные разрушения происходят за короткий промежуток времени. В связи с подобными особенностями такие войны нередко называют конфликтами высокой интенсивности.

Иногда войны между организованными армиями могут быть довольно короткими, поскольку одна из сторон терпит внезапный крах вскоре после начала конфликта, как это произошло после вторжения Германии во Францию в 1940 году. Напряжение битвы может привести к глубокой усталости и истощению, и, если это происходит до окончания сражения, такая ситуация способна обернуться паникой и чрезмерным страхом бойцов, а следовательно, и «решающим» поражением<sup>63</sup>. В иных случаях стороны могут долго оставаться в тупике противостояния. Первая мировая война продолжалась так долго потому, что с обеих сторон были успешно сформированы организованные конвенциональные армии и ни одна из них не могла осуществить решительный прорыв. Люди продолжали сражаться, не обсуждая приказы или даже не пытаясь понять цель происходящего.

Кроме того, значительное количество войн велось между организованными вооруженными силами неконвенционального и конвенционального типов, хотя о таких войнах говорится не слишком много. Как убедительно продемонстрировал Лоренс Кили, примитивные бойцы и партизаны очень часто успешно противостояли конвенциональным силам. Когда последние одерживали победу, причина этого обычно заключалась не в более совершенном вооружении, а в более существенных экономических и логистических возможностях. Кроме того, значительную помощь конвенциональным силам оказывали болезни, причинявшие непропорционально высокий ущерб их противникам, либо конвенциональные армии сами заимствовали примитивную или партизанскую тактику ведения войны<sup>64</sup>.

Наиболее распространенным видом организованных военных действий были войны между неконвенциональными силами, в особенности с участием бойцов примитивного типа. Хотя между примитивными или партизанскими армиями возможны прямые столкновения, крупные сражения в таких войнах гораздо менее распространены, нежели обманные маневры,

---

<sup>62</sup> О преимущественно тщетном стремлении к «решающей» битве см. Weigley 1991. Однако решающими могут быть общие результаты таких войн, поскольку они способны приводить к прекращению существования проигравшего субъекта, на что указывает Кили (Keely 1996, 223).

<sup>63</sup> McPherson 1997, 42.

<sup>64</sup> Keeley 1996, chap. 5 и p. 175.

мелкие стычки и набеги, а масштабного боевого контакта, с большой вероятностью, удастся избежать еще до того, как столкновение обернется очень существенным количеством потерь. Вследствие последней особенности войны против бойцов примитивного типа (или партизан) либо между ними зачастую принимают форму конфликта низкой интенсивности. Прямая военная конфронтация подобных армий или отрядов, скорее всего, приведет к незначительному количеству жертв и разрушений в каждом конкретном бою, поскольку такие воинства скорее предпочтут бежать с поля, а не сражаться. Несмотря на это, со временем действия таких армий могут приводить к довольно высокому – а на деле и катастрофическому – масштабу жертв и разрушений, причиняемых как участникам боевых действий, так и гражданским лицам<sup>65</sup>

---

<sup>65</sup> Keeley 1996, chaps 2–4, 6, 7 и p. 174–175. Эти конфликты зачастую именуется конфликтами «низкой интенсивности» во многом в том же смысле, в каком человеческий ущерб, причиняемый автомобильными авариями в Соединенных Штатах, тоже можно считать низким. В среднем каждый день в стране с огромной территорией в автокатастрофах погибает лишь примерно сто человек. Однако в совокупности автомобили причиняют больше смертей, чем большинство войн: ежегодно на дорогах погибают десятки тысяч человек, а каждое десятилетие – более четверти миллиона.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.